



Зазеркалье. Авторская рубрика Зои БОГУСЛАВСКОЙ

Продолжаем публикацию цикла эссе Зои Богуславской. Писатель Василий Аксенов, безусловно, остается вечным спутником советского и постсоветского интеллигента. Его читали и читают, ему подражали и подражают, и именно Аксенову удалось определить стиль целого поколения – тех, кого называли “внутренними эмигрантами”. Зоя Богуславская написала об Аксенове и как о человеке, с которым дружит много лет, и как об одном из самых значительных писателей нашего времени. В принципе редко кому удается так органично совместить личные воспоминания и серьезный разговор о творчестве. Так что читатели больше узнают об Аксенове-писателе, и лучше поймут Аксенова-человека. Наши читатели ждут встречи с Олегом Меньшиковым, Аллой Демидовой и другими. Более подробно эссе З.Богуславской можно посмотреть в рубрике “Зазеркалье. Встречи” на сайте www.ozon.ru/zerkalo/

Василий Аксенов, как принято нынче говорить, – фигура культовая. Мало кто из здравствующих сочинителей столь рано овладел сознанием поколения. Его стиль общения, сленг, пришедший из “Звездного билета”, “Апельсинов из Марокко”, “Затоваренной бочкотары” и др., стал повседневностью в молодежных компаниях и любовной переписке 60 – 70-х, приклеился к целому журавлиному клину устремившихся за ним молодых писателей.

Аксенов – художник. Он занимается именно художественным творчеством. В повествовании доминируют образность, образительность, парадоксально вклинувшись за собой интригу и поступки персонажей.

Несмотря на опыт репрессированных родителей, он не стал диссидентом, его сопротивление больше всего обозначалось на уровне стилистики и свободы поведения. Много позже, вызвав на себя огонь хрущевского гнева на встречах с интеллигенцией, он становится фигурой и политической. Под голубым куполом Свердловского зала произойдет новый слом в его судьбе. Теперь в его биографии вплетаются моменты гражданской позиции, несогласия с чем-либо. Он протестует против ввода войск в Чехословакию, высылки Солженицына, его многолетнее противостояние цензуре увенчается созданием альманаха “Метрополь”, позднее названного бастинтом гражданско-этического неповиновения. Комментарием к сегодняшнему политическому курсу станет серия его острых выступлений в ведущих СМИ.

Как личность Василий Павлович Аксенов был сконструирован из первых впечатлений кинематографического приюта для детей “врагов народа”, затем – Магадана, где поселился в 12 лет с высланной матерью, Евгенией Семеновной Гинзбург. По словам Василия Павловича, круг реальных персонажей “Крутого маршрута” (принадлежавшего перу его матери) состоял из выдающихся людей того времени: репрессированных ученых, политиков, художников, образовавших своеобразный “салон”, содержанием которого были рассуждения на самые высокие темы. Влияние этих рассуждений на детское сознание трудно измерить.

– Можно ли определить какие-то особые черты и генеалогию этого сообщества естественных людей в неестественных обстоятельствах?

Аксенов полагает, что такое сообщество существовало в их доме и раньше, но в лагере духовная жизнь стала для интеллигенции единственным способом выживания.

– Еще в молодости, – поясняет он, – у мамы появилась склонность создавать вокруг себя своего рода “салон” мыслящих людей. Первый такой салон, в который входил высланный в Казань троцкист профессор Эльзов, обернулся для мамы трагедией, стоил ей свободы. Читатель “Крутого маршрута” найдет такой гинзбургский салон в лагерном бараке. В послелагерной ссылке, в Магадане, возник еще один салон, уже международного класса... Советский юнец Вася Аксенов просто обалдел в таком обществе: он никогда не предполагал, что такие люди существуют в реальной советской жизни. Мамин муж, доктор

Вальтер Антон Яковлевич, был русским немцем, гомеопатом и ревностным католиком. Для меня он стал первым источником христианской веры. Доктор Уманский был сионистом и ни от кого не скрывал, что мечтает умереть в Израиле (эта мечта не сбылась). С порога он начинал читать какую-нибудь новую поэму: “Достоин похвалы Лукреций Карр, он первым тайну отгадал природы”. Мама смеялась. На дворе стоял 1949 год, Гб готовила вторую волну арестов.

– А как обстояло с образованием? Был ли доступ к книжкам?

– Мама открыла мне, школьнику, один из главных советских секретов – существование Серебряного века, – поясняет он. – Кроме того, она познакомила меня с кумиром своей молодости Борисом Пастернаком. К окончанию школы я знал наизусть множество его стихов, которых нигде тогда нельзя было достать в печатном виде.

Какая-то дикая, пронзительная жалость к невестованному богатствам личности собственной матери к погубленной в лагерях ее молодости зазвучала в его прозе с особой остротой (“Негатив положительного героя”) после “ознакомления с делом арестованной в 1937 году матери”. На ее тогдашнем фото: “анфас и профиль, взгляд затравленного подростка, бабушкина “кофтоля” на исхудавших плечах”.

Быть может, из этого чувства родилась мечта сына показать матери Европу, дать ей возможность говорить на немецком и французском, видеть людей, чьи книги она читала в подлинниках, постоять у шедевров мирового искусства, которыми она восхищалась по репродукциям. Аксенова поразило, что его мать после возвращения из ссылки сохранила черты терпимости к человеческим слабостям, любовь и интерес к жизни, очарованность природой. У нее была редкая тяга к новым впечатлениям, открытию новых стран и способов существования.

Мы жили в Париже, в соседних номерах гостиницы “L'Eglon”, что по-французски “Орленок”, встречаясь ежедневно. В те дни я видела детский восторг смертельно больной женщины, которая в последние месяцы жизни попала в мир высокого искусства, живший только в ее воображении. Окна нашей гостиницы выходили на кладбище Монпарнас, где похоронены Бодлер и Сартр. Евгения Семеновна Гинзбург вернулась умирать в Россию.

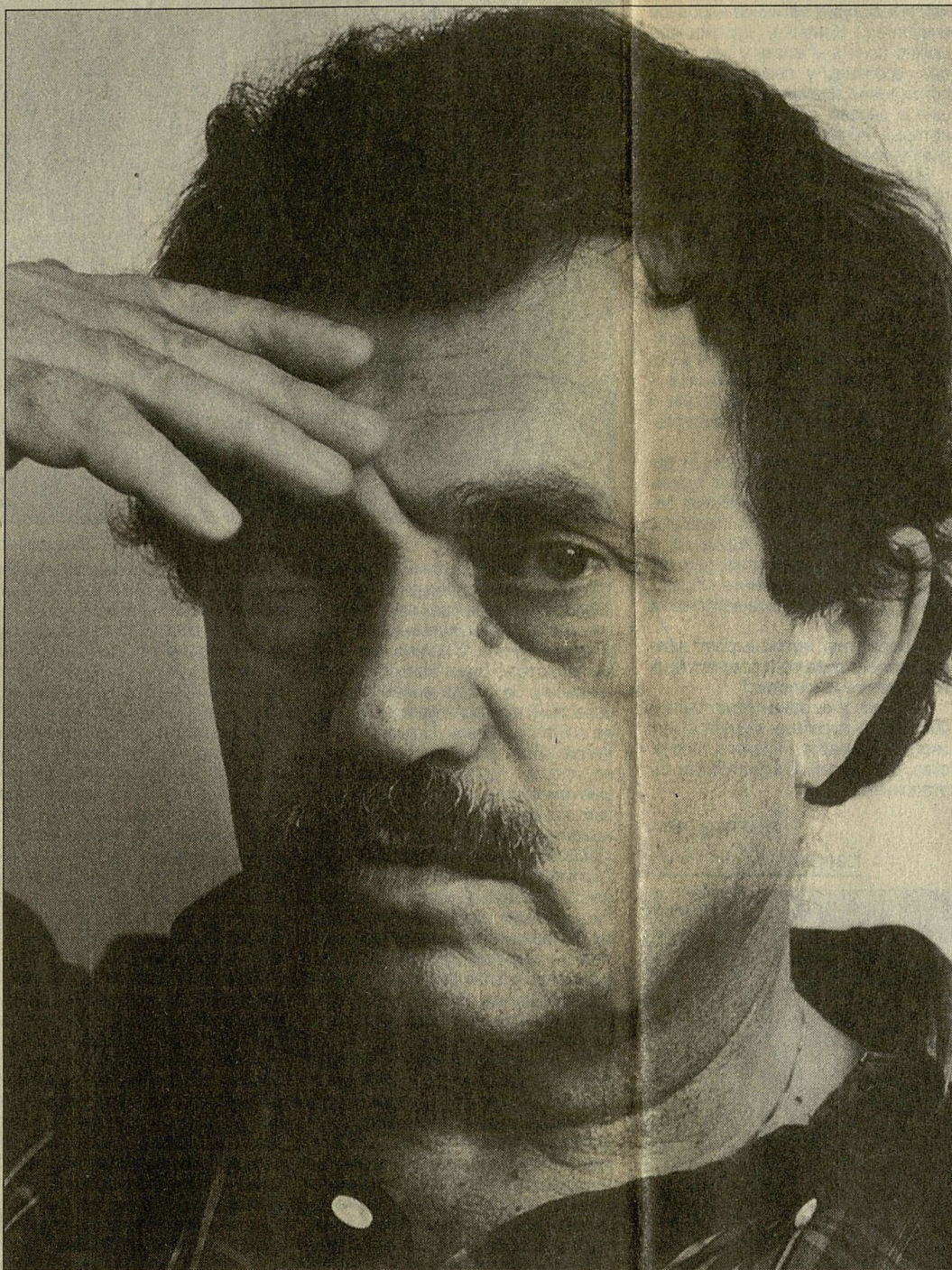
Ее хоронили в дождливый день, мало кто был оповещен о траурном событии. Однако близкий круг людей сомкнулся у ее могилы, капли дождя сползали с мокрых деревьев на лица людей, которые не плакали. Каждый думал о неосуществленном подарке, сделанном ей сыном в последние месяцы жизни, о ее книге, оставшейся одним из самых человеческих памятников жестокайшего времени. А у меня в памяти всплыла картина, как мы с Евгенией Семеновной сидим на крыльце переделькинской дачи драматурга И. Ольшанского (где ей снимали комнату) и она читает, еще в рукописи, завершающую главу “Крутого маршрута”.

Салон Евгении Гинзбург аукнется и после ее смерти.

– Как возникла мысль о квартире, когда вы задумали создать альманах “Метрополь”?

“Почему я не пишу мемуаров”

Встреча четвертая. Василий Аксенов



В.Аксенов

– После смерти мамы ее однокомнатная квартира в кооперативе у метро “Аэропорт” некоторое время пустовала. Моему сподвижнику по “Метрополю” Жене Попову тогда негде было жить, и я ему дал ключи. Таким образом мамин последний “салон” превратился в штаб-квартиру неподцензурного альманаха.

Мы видимся с Василием регулярно в течение многих десятилетий. Теперь каждый раз, когда наведываюсь в Москву, застаю его на Котельнической набережной, где у Майей квартира, сложно. Он расписан по телевизору, издавна, интервью. Интерес к Аксенову с годами не ослабевает, его “рвут на части”. При этом он никогда не похваляется. Не скажет: “Посмотрите “Итоги”, “Герой дня”. Или: “Сегодня полосу обо мне...” Или: “В Штатах только что вышла моя новая книга...” Спрос на Аксенова сегодня больше, чем на экзemplяры его произведений. Личность порой перерастает творческий имидж.

Былым компаниям, верному кругу друзей (Евг. Попов, А. Козлов, А. Арканов, Ю. Эдлис, Г. Садорников, А. Кабаков и, конечно, Белла Ахмадулина и Борис Мессерер) Аксенов нынче частенько предпочитает одиночество.

– Почему ты говоришь, что тебе пишется лучше в Вашингтоне и Европе, чем здесь?

– В Вашингтоне за письменным столом у меня остается только один собеседник – В.П. Аксенов. В России слишком много собеседников, и я, так или иначе, стараюсь им соответствовать, заблываясь. Сочинительство и эмиграция – довольно близкие понятия.

“Заблутываюсь” – очень емкое слово.

Он отдал дань разным жанрам: прозе, поэзии, драматургии, публицистике. Спрашиваю его:

– Кем себя считаешь по преимуществу?

– Последним представителем умирающего жанра романа (умирающего в молодом возрасте, так как его можно считать “подростком” рядом с другими), – говорит Аксенов. – Я не поэт, а романист. И, может быть, поэтому острее других, то есть не-романистов, чувствую кризис романа. Уже сейчас испытываю какую-то ностальгию по любимому жанру. В процессе “романостроительства” у меня возникает особое, почти лунатическое состояние. Домашние это заметили и даже начали в такие периоды называть меня “Вася Лунатиков”. Вне романа меня никогда не тянет писать стихи, внутри романа то и дело начинаю ритмизировать и рифмовать.

Только что появившийся роман “Кесарево свечение” наиболее точно отразил тягу к “слоному пирогу” сочетания поэзии и прозы. Три обитающие здесь пьесы, по мнению автора, “играют роль остановок, перевода дыхания, повода для создания своего рода “парада персонажей”.

Сочинительство, как главный способ общения и времяпрепровождения, выдает предназначенность Аксенова писательству. Похоже, сегодня это главный смысл его существования.

– Влияют ли общественный климат и бурные политические баталии в нашей стране на твои творческие интересы?

– Сама по себе политическая ситуация никак не влияет, однако возникшие в связи с ней человеческие типы начинают бродить в некоем полуметафизическом пространстве, чтобы в конце концов превра-

титься в образы литературы: чаще всего на грани абсурда.

С годами Аксенов все более приращен семейному укладу. Его интересы поляризуются: литература и семья. Роль главной женщины по-прежнему крайне существенна в его жизни. После кончины Евгении Семеновны центром притяжения, переломной леди его жизни становится Майя. В свое время именно она выхаживала тяжело больную мать Василия, что очень сблизило их. Хорошо помню регулярные наезды Майи в Переделькино с “передачами” – свежесваренный морковный сок, фрукты, протертая горячая пища, – облагораживающих участь больной. Казалось, Евгения Семеновна перед смертью благословила новые отношения сына. Аксенов и Майя стали жить вместе.

– Помнишь, у Юрия Казакова: “Каждый мой роман – это мой написанный роман”. А у тебя как?

– Считается, что каждый состоявшийся роман (в данном случае любовное приключение) может стать ворохом увлекательных страниц. Это верно, но к этому можно добавить, что несостоявшееся любовное приключение может стать ворохом еще более увлекательных страниц. Вот эти “состоявшиеся” и “несостоявшиеся” женщины в той или иной степени отразились в образе моей основной лирической героини, которая кочевала из романа в роман. С возрастом и с накоплением писательского опыта я стал чаще отходить от этого образа. В “Московской саге” читатель находит разные женские типы, не имеющие отношения к моей личной лирике. Там есть героини старые, больные, нелепые, и я в них не меньше

влюблен, чем в свою постоянную красотку.

Аксенов – джентльмен. Он одевается модно, изысканно, ощущает его любовь к фирменным вещам. Рубашечку с маленьким отложным воротничком он подберет в тон шарфу, свитер, серый, голубой, чаще одноцветный, разнообразные куртки на пуговицах, молниях, спортивного покроя сидят на нем с легкой небрежностью. Как и герои его повестей, он пропустит даму вперед, он успеет поднести зажигалку, когда она закуривает, ринется в драку, если столкнется с хамством.

Однажды в пору нашей “Юности”, во время вечерней прогулки в Переделькине затеялся откровенный разговор, и я спросила Аксенова, как он относится к той брюнетке со светло-голубыми глазами, которая частенько стала с ним появляться. Он ответил: “Конечно, я сильно увлечен, и она тоже, но она жена моего друга, поэтому быть ничего не может”. Вот так. У него и тогда были моральные принципы. Сегодня, увидев симпатичное существо женского пола, Василий Павлович начнет улыбаться, появятся острота и яркость речи, цепкая внимательность взгляда, но это уже, скорее, как автора “Кесарева свечения”.

– Я вообще-то в большой степени феминист, – признается он, – давно пора, мне кажется, обуздать зарвавшихся мужланов и открыть новый век матриархата наподобие нашего блистательного XVIII.

Одну из своих пьес Аксенов целиком отдал женским персонажам, “Лизистрату” (?) (парафраз Аристофана), где действие отдано только персонажам женщинам. Представительницы прекрасного пола, названные именами близких знакомых, обладают разнообразием характеров, однако спланированы, чтобы захватить или удержать власть.

– Почему сегодня забросил драматургию?

– Всего я написал на данный момент восемь пьес; это целый театр. Театр, который остался практически невестованным существующими профессиональными подмостками. Почему они меня не ставят, черт их знает. Для них важнее в очередной раз пережить Чехова. Одни жуют его левой стороной рта, другие – правой, третьи – крошат резцами. Так или иначе, мой театр существует в глубине моего романа, и таким образом он создает для меня атмосферу постоянной премьеры.

Замечая, что два его “хита” – “Всегда в продаже” и “Затоваренная бочкотара”, блистательно сочиненная им вместе с Современником, – упоминаются довольно часто и сегодня. Говорю, что две знаменитые пьесы – уже достаточно для своего театра.

– Трудно писать пьесы? Как рождаются стихи? Так же, как текст прозы?

– Не уверен, что могу убедительно ответить. Почему какие-то куски сочинительского процесса облетают театральные формы, а другие стараются влезть в жесткую сетку рифмы и ритмов? Дело может быть в том, что я работаю в основном в самом молодом жанре словесного искусства, в романе, которому, возможно, приходит конец. Быть может, у нашего времени будут говорить: “Это было еще тогда, когда писались романы”. Что касается поэзии, то она, конечно, является древнейшим и вечным жанром словесности. Человек еще в пещерах начал что-то бормотать, занимаясь камланием, творить мифы, от этого он не откажется до скончания дней. Театр, маски, мизансцены возникли сразу вслед за этим. Этот жанр тоже отличается исключительной живучестью, о чем говорит хотя бы тот факт, что после советского развала из всех искусств главнейшим оказался театр. Очевидно, у людей всегда будет существовать потребность в какой-то вечер собориться вместе в небольшом зале, вместе ахать от восхищения или, наоборот, ворчать: “Опять нас обманули, ну что за говно показывают”!

– Интересно, в какой мере в твоих книгах использованы реалии, шумные эпизоды твоей биографии? Можно ли в романах обнаружить полные аналогии или сходство?

– Еще ни разу не было, чтобы я кого-то “описывал” или чтобы я кому-то из “детей” впрямую приписывал что-то свое. Вот почему, кстати, я не пишу мемуаров. Уверен, что в процессе воспоминаний на бумаге все переверну, перекрою и заврусь окончательно.

Сегодня Василий Аксенов живет на два дома. Только недавно обустроился под Вашингтоном, где листья падают прямо в окна. Он по-прежнему занимается джоггингом, в близлежащем парке бегает трусцой по 45 – 60 минут. Да, в этом доме ему хорошо работается, его привычки, атмосферу, наиболее благоприятную для творчества, обеспечивает Майя. По его словам, он любит осваивать разные предметы цивилизации, например, стиральную машину с сушкой или автомобиль. Машину водит давно и постоянно. Вообще по-прежнему спортивен.

– Отличительной чертой нашего быта, – рассказывает Аксенов, – является то, что мы живем на два дома: в Вашингтоне и в Москве. Сейчас к этому еще присоединился маленький домик в Стране Басков. Постоянно забываешь, где оставил свитер или штаны. “Майя, ты не знаешь, где мой костюм, тот, другой?” А она отвечает: “А ты не помнишь, Вася, где мой плащ висит, в Котельниках или Ферфаксе?”

– Восстанови, пожалуйста, момент, когда ты познакомился с Майей.

Я хорошо помню их совместный приезд из Ялты в Москву, когда, вернувшись, они уже не могли расстаться. Подобно многим другим парам новейшего времени, колдовская Ялта (или волшебная Юрмала) соединила и этих влюбленных, опрокинув расхожее мнение о недолговечности курортных романов.

– В конце 60-х я пережил тяжелый личный, хотя отчасти и связанный с общим поколенческим подъемом (Чехословакия, брешневизм, тоталитаризм) кризис. Мне казалось, что я проскочил мимо чего-то, что могло осветить мою жизнь и мое письмо. И вот тогда, в 1970-м, в Ялте я встретил Майю. Мы испытали очень сильную романтическую любовь, а потом это переросло в духовную близость. Она меня знает как облупленного, я ее меньше, но оба мы, особенно теперь, в старости, понимаем, на кого мы можем положиться. До 1999 года Майя никогда не плакала, но потом, после гибели нашего Ванюши, она пролила всеми своими слезами. И все-таки я до сих пор люблю, когда она смеется.

– Как сегодня ты оцениваешь американский период жизни? Я имею в виду профессиональную деятельность в Штатах: преподавание в университете, сочинительство. Пожалуй, ты один из немногих, у кого здесь сложился имидж не только писателя, переводимого с русского, но и американского литератора. Несколько вещей, как известно, написаны тобой по-английски. Помню, как еще до отъезда ты переводил “Рег-тайм”. Докторава для журнала “Иностранная литература”.

– Я отдал 21 год жизни “американскому университету”, точнее, преподаванию руслуги и своей собственной филконцепции мальчикам и девочкам (иногда и почтенного возраста) из разных штатов и стран. Университетский кампус для меня – самая естественная среда, но сейчас я уже подумываю об отставке. Где буду проводить больше времени, еще не знаю. Надеюсь, на родине все-таки не вырастет снова тот сапожник, что когда-то дал мне пинок в зад.

– Если бы ты не писал, то что бы делал?

– Не знаю, что бы я делал, если бы не писал. Честно говоря, даже не представляю себе такой ситуации.